

— Дураки намазаны ровным слоем по всей обитаемой суше земного шара. Только в тех краях, где плотность населения побольше, там и слой дураков потолще, а по существу — все едино. И забудь эти байки, что все дураки живут в России — неправда, везде их с избытком, — как-то сказал Анастасии Александровне старинный телефонный друг в ответ на ее рассказ о дурном начальстве на очередной новой работе. Да, так он сказал, ее телефонный пациент и друг, и сейчас, перед тем как заснуть, она вспомнила эти его слова и улыбнулась в темноте своей маленькой комнаты, слушая краем уха, как в соседней большой комнате покашливает ее девяностолетняя мама. Раньше она слышала и скрип маминой кровати, а недавно купила ей и себе дорогие ортопедические матрасы, и теперь ничего не скрипит. Она порадовалась тому, что не скрипит, и с этим уснула.

Опять ей снились залитые солнцем аргентинские пампасы, а проснулась она от противного дребезжания будильника на столе. Открыла глаза, а за окном непроглядная тьма. Она нарочно ставит будильник подальше от кровати, на столе, чтобы не хлопнуть по нему спросонья, не выключить. А как ей хотелось всякий раз хлопнуть. Хлопнуть — и спать, спать, спать...

Анастасия Александровна и ее мать Римма Павловна живут на седьмом этаже добротного кирпичного дома, построенного еще при старой власти, которая называлась советской и о которой даже отъехавшая в Аргентину их дочь и внучка Наташа имеет весьма смутное представление, примерно как о нашествии Мамая на Русь. Хочешь не хочешь, а оказывается, всего за 20 — 25 лет можно перелицевать сознание миллионов, вывернуть его наизнанку. Ровесники Анастасии Александровны и те, кто чуть моложе или постарше, тому свидетели, а молодежь — подопытные в чистом виде. Столько несправедливого неравенства видит вокруг себя молодежь, столько дурного выливается на нее из всевозможных гаджетов, что удивительно, как она держится, честь ей и хвала! Анастасия Александровна любит иногда поразмышлять об этом вслух, а ее единственная слушательница Римма Павловна обычно одергивает ее: «Настька, не философствуй! Лучше манную кашу помешивай веселей, а то опять комками будет!»

В рабочую пятидневку — с понедельника по пятницу — Анастасия Александровна просыпается от звонка будильника в 4 часа 15 минут. Она родилась совой, а всю жизнь ей приходилось быть жаворонком. Когда была советская власть, многие женщины говорили: «Вот будет

пятьдесят пять, выйдем на пенсию, тогда и отоспимся всласть!» А как только советская власть окончилась, сразу стало ясно, что прожить на пенсию невозможно, так что надо еще работать и работать, сколько ноги ходят...

Пока Анастасия Александровна принимала душ и приводила себя в порядок, ее девяностолетняя мама накрывала на стол завтрак. Сначала они неторопливо ели творог с медом — «для кальция», потом также «с чувством, с толком, с расстановкой» пили сладкий чай с лимоном. Затем мама пила утренние таблетки, а дочь наблюдала, чтобы «все было по-честному».

Мама Римма Павловна очень не любит пить таблетки. В основном из-за таблеток у них и бывают стычки. Иногда украдкой выплевывает таблетки, забрасывает их к себе под кровать или еще куда, в темный угол, притом делает это с такой шустростью, что и не уследишь.

После приема таблеток мама дает закапать ей глаза — от внутриглазного давления. К последней процедуре относится безропотно — она стала неважно видеть, и это беспокоит ее, хотя не пугает. Ее давно ничто не пугает.

По окончании всех процедур с мамой дочь гладит свои юбку, блузку, чистит туфли или сапоги — в зависимости от времени года. Напоследок она объясняет маме, что ей есть в течение длинного дня. В 5 часов 55 минут Анастасия Александровна выходит из дома. И так изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Кому-то может показаться: какая унылая, какая монотонная жизнь! Но ни маме, ни дочке так не кажется. Монотонная? Да, монотонная. Но в этой монотонности есть своя прелесть. Можно сказать, что не первый год они живут прямо по присказке: отсутствие новостей — лучшая новость.

Почему она выходит из дома в 5 часов 55 минут? А чтобы успеть на электричку, которая по расписанию подходит к ближайшей от их дома платформе в 6 часов 17 минут. Анастасия Александровна живет в некогда знаменитом подмосковном городе, а работает в Москве, как и сотни тысяч, а может быть, и миллионы других людей. Большую часть года уходит на работу в потемках и возвращается домой в темноте. Ах, наша российская тьма — в молодости она не замечала ее, а теперь с каждым годом она все сильнее и сильнее угнетает ее, давит, сплющивает. И когда в промозглой зимней тьме она бежит, оскользясь на обледенелых колдобинах, к светящейся вдаль электричке, то порой накатывает на нее острое желание бросить все и убежать туда, не знаю куда. Да хоть к дочери Наташке в ее Аргентину — она всегда зовет их с бабушкой в гости, а сама ни разу не приезжала, хотя

живет за границей шестой год. Далеко, конечно, только до Буэнос-Айреса лететь, считай, сутки, да там еще километров семьсот до Наташкиных пампасов – такое им с бабушкой не по плечу.

Ах, какая прелесть из стылой черной ночи вдруг очутиться в залитой светом теплой электричке. Много народу едет ни свет ни заря в Москву к месту своей работы. В вагоне уже тесно, но пока без толкотни, без того, чтобы люди прижимались друг к другу вплотную. Разноплеменные пассажиры вокруг нее отрешенно тыкают в свои гаджеты, а Анастасия Александровна радуется тому, как ловко пробежала она сегодня всю скользкую темную дорогу до платформы, радуется, что электричка не опоздала, радуется, что ее пока никто не толкает и она может спокойно думать о невиданных ею аргентинских пампасах и о своей Наташе. Вот вспомнила связанный с дочерью семейный анекдот, и лицо ее озарила улыбка умиления.

Когда Наташе было три года, на излете советской власти, собралась Анастасия Александровна в туристическую поездку в Италию. Валюты полагалось тогда туристам кот наплакал, а в моде были куклы Барби. И вот в день отъезда Анастасия Александровна спрашивает Наташу:

– Слушай, денег у меня очень мало, так что выбирай, что тебе привезти – мужа для Барби или ванну для Барби?

Прижимая к груди куклу Барби, девочка чуть задумалась, а потом пролепетала:

– Ванну. Муз не пледмет пелвой необходимости.

Тогда посмеялись, что «муж не предмет первой необходимости», а сейчас получается по факту, что «предмет»... Вот встретила она своего Пауля и укатила с ним за тридевять земель.

Познакомилась дочь Наташа с русским парнем Павлом, а он оказался немцем Паулем. Познакомились они в лифте – вместе застряли. И стояли там, в железном ящике и кромешной тьме, почти час. Иногда они освещали кабину лифта призрачным светом своих мобильных. С перепугу много смеялись, что несказанно сблизает, наконец, их выручила аварийная бригада. Воистину, браки совершаются на небесах, что тут возразишь?

А почему Павел и Пауль был и русским, и немцем в одном лице? Да потому, что он приехал в Москву из Казахстана и был по происхождению поволжским немцем, которых в Германии зовут волгадойч и охотно принимают на постоянное место жительства. С Паулем и его родными Наташа вскоре переехала на постоянное жительство в Германию, а потом все они подались оттуда в Аргентину. В этой далекой от Европы стране, как известно, большая немецкая диаспора, а главное, дают наделы земли переселенцам.

Поволжские немцы – отличные животноводы и зем-

ладельцы, поэтому и живет теперь Наташка в пампасах. С ее профессией нигде не пропадешь, она хороший фельдшер.

Помимо хронического недосыпания, будни угнетали Анастасию Александровну ежедневной ездой в электричке, метро, троллейбусе. Даже в самом лучшем случае на езду уходило не меньше четырех часов в день. За пятидневку Анастасия Александровна наезжала на транспорте почти сутки – в тесноте, в духоте, в толкотне тысяч разноплеменных людей.

Из электрички, быстро пробежав по перрону, как в теплый омут, она ныряет в плохо проветренное парковое метро, где тоже пока еще сносно. Но когда подъезжает к своей остановке, на улицу уже выносит ее из метро плотный людской поток. Хорошо на улице! Скользко, холодно, темновато, но зато свободно и можно вздохнуть всей грудью. На улице она садится в еще не переполненный троллейбус и едет две остановки до своего офиса.

А вот и большое стеклянно-серое здание ее пока что последней работы. Стеклянные, разъезжающиеся двери, рамки металлоискателей, пропускные системы, охранники в черной униформе... Охранников у них в полном достатке, на всех этажах.

Она появляется на своем рабочем месте в 7 часов 55 минут. Все ее сослуживцы ходят на работу к 9 утра, а она выговорила себе право ходить к 8 и заканчивать трудовой день не в 18, а в 17 часов. Это дает ей возможность избежать утренней и вечерней давки на транспорте.

Open space – прилепил кто-то напечатанное на компьютере и выведенное очень крупным шрифтом на листке бумаги А4 прямо на входной двери в их рабочее помещение. Прилепленная бумажка уже пожелтела и завернулась по краям, но ее никто не отлепляет, наверное, из равнодушия, а может, настолько привыкли, что перестали замечать. На службе они сидят на американский манер – в так называемом открытом пространстве (open space), а попросту говоря, в небольшом зале, на виду друг у друга. Как бывший врач, Анастасия Александровна совершенно уверена, что такой способ «рассадки» сотрудников, безусловно, вредит их здоровью и снижает качество их работы.

Недавно ей повезло, и теперь она сидит за шкафом для деловых бумаг, который поставлен лицом в общее помещение, а тылом в ее маленький закуток. И все это удалось потому, что она приходит на работу к восьми вместе с рабочими, а не со служащими. И когда в один прекрасный день рабочие затаскивали в их открытое помещение шкаф, она подсказала им, как его поставить. Так что не зря говорит ее мама Римма Павловна: «Кто рано встает, тому Бог дает». Начальство не пересадило Анастасию Александровну – оно у них не мелочное. Почему она говорит о начальстве даже со своим телефонным другом? Да потому, что, с тех пор как пришла антисоветская власть, она навидалась много хозяйчи-

ков, сладострастно угнетающих подчиненных своими ничтожными глупостями. Конечно, и при советской власти дурных руководителей хватало, но на них было много разной управы, и всякому человеку было куда пожаловаться. Чем пахнет ее работа в начале дня?

Самый первый запах — это запах охранников. Так сложилось, что дверь в их «открытое пространство» не запирается, и одетые охранники, сняв только обувь, кидают у них по очереди на своих раскладушках. Когда заявляется Анастасия Александровна, ни охранников, ни их раскладушек уже нет, но запахи-то остаются, и первым делом она включает вентиляцию. Почему этого не делают сами охранники? Наверное, принимают и просто не чувствуют. А у Анастасии Александровны очень острое обоняние, не зря ее телефонный друг говорит, что это «признак высокого интеллекта». Она всякий раз вспоминает это его высказывание и думает: «Смех смехом, но, наверное, в этом что-то есть, я ведь не полная дура?»

Вентиляционные вытяжки у них довольно мощные, и еще до наплыва первых сослуживцев помещение проветривается почти полностью. Анастасия Александровна еще чувствует остаточную спертость воздуха, но как только появляются дамы, устанавливается крепкий аромат духов, помады, пудры, в общем, как говорит она, начинается «пахнуть макияжем».

По наблюдениям Анастасии Александровны в большинстве присутственных мест заняты в основном женщины, хотя и мужчины тоже есть, но они как бы растворены среди женщин. Как говорит Анастасия Александровна, на ее работе заняты «девочки от 30 до 60». Однажды все работницы сложились и купили мощную итальянскую кофейную машину. Мужчины почему-то в складчину не участвовали и теперь пьют чай в пакетиках. Скоро девочки начинают варить кофе, запах которого не только бодрит, но и перекрывает все другие запахи.

Когда-то она была врачом-кардиологом высшей категории и вела в своем знаменитом подмосковном городе многих выдающихся людей. За последнюю четверть века в связи с невостребованностью эти люди преждевременно ушли в мир иной или состарились до такой ветхости, что никому нет до них никакого дела. С тех пор, как врачам-специалистам стали платить совсем маленькие деньги, Анастасия Александровна перешла работать в большую страховую компанию в Москве, потом сменила ее на другую такую же компанию, потом на третью, четвертую, пятую, шестую, пока не оказалась в нынешней. И все вовсе не от того, что она какой-то попрыгунчик, а по объективным обстоятельствам: «сокращение», «оптимизация», «перераспределение обязанностей», «повышение эффективности» и т. д. и т. п. Когда при очередной смене работы ее телефонный пациент спрашивал: «И чем ты занимаешься теперь?», она отвечала:

«Все тем же. Теряю квалификацию». И это было правдой, как правдой было и то, что на всех новых работах в коммерческих структурах ей платили в три раза больше, чем на должности врача-кардиолога высшей категории. Почему она все никак не могла забыть про свою «высшую категорию»? Да, наверное, потому, что она на самом деле соответствовала этой самой высшей категории, за которой стояла вся ее жизнь: как-никак только 18 лет она проработала в космической отрасли, а там пациенты были замечательные, да и врачи что надо.

У нее за шкафом благодать! Во-первых, она отсечена от всего open space, по существу — защищена шкафом, как стеной, и от чужих наблюдений, и от чужой энергетики, и, наверное, от многого другого. Слишком долго общалась она с необыкновенными людьми и поэтому верит в чудеса. Слева от нее входная общая дверь, и боковым зрением она прекрасно видит, кто входит, а кто выходит; справа только одна сотрудница Верочка, которая никогда не раздражала ее и не раздражает; за спиной стена, к которой она едва может отставить свой стул — остается зазор сантиметров тридцать.

В общем, за шкафом у Анастасии Александровны своя крепость и благодать! Первым делом она включает компьютер, и рабочий день начался.

Прежде всего она смотрит в компьютере личную почту. Разница во времени между Москвой и тем местом, где поселилась Наташа, семь часов. Когда у нас 4 часа утра, там 9 вечера — самое время написать маме письмо. Пишет Наташа редко и коротко. Ключевая фраза ее писем: «У меня все нормально». А в чем состоит эта нормальность, она не расшифровывает. С недавних пор эта ее ключевая фраза существенно изменилась, она стала писать: «У нас все нормально». Это изменение пришлось по душе Анастасии Александровне. Она поверила, что дочь прижилась на новом месте и у нее действительно «все нормально».

Сегодня письма от Наташи не было. Но прежде чем взяться за свою рутинную работу, Анастасия Александровна подумала несколько минут и о Наташе в ее пампасах, и о себе, бегущей по обледеневшим колдобинам на электричку, и о своей маме, которая сегодня опять пыталась откинуть одну из таблеток на одеяло, и о своем телефонном друге-пациенте, который вчера почему-то сказал, что «высокие технологии — замаскированный путь к рабовладельческому строю». Словом, она подумала обо всех одновременно, обо всех и обо всем, что составляло каждодневное существо ее жизни. В ее сознании даже промелькнули разноплеменные пассажиры сегодняшней электрички, отрешенно тыкающие в свои гаджеты.

«Почему так устроено сейчас на свете, что все вразброд, все в отдалении друг от друга, все живут и чувствуют «дистанционно», сплошь и рядом, в так называемом «виртуальном мире». Хорошо ли это?» — спросила саму

себя Анастасия Александровна, но тут увидела в дверях начальница, машинально переключила компьютер с личной странички на служебную, и, независимо от ее лица, лицо Анастасии Александровны изобразило исключительное прилежание и сосредоточенность в работе.

За что ей платят на новых работах в три раза больше, чем врачу-кардиологу высшей категории? Если отбросить всяческую мишуру и словоблудие, то, попросту говоря, за то, что всю пятитдневку с утра до вечера она перебирает в общем-то пустые формальные бумажки и ищет в них глупости, ошибочные формулировки, неточности, а то и просто описки, ищет зацепки, чтобы выставить исполнителям штраф и таким образом отбить хозяйские деньги. Раньше в поликлиниках и больницах людей лечили-исцеляли, а теперь «оказывают медицинские услуги».

«Сейчас все трудоспособное население делится у нас на хозяев, охранников и работников. При советской власти прослойкой называли интеллигенцию, а теперь прослойка у нас – охрана», – как-то сказал ее телефонный друг.

О себе Анастасия Александровна с горечью думает, что она тоже охранница.

Откуда взялся ее телефонный друг? Да из пациентов. Примерно с год он приходил к ней на приемы, потом они как-то обменялись телефонами, и он стал спрашивать ее совета по телефону. Он очень много работал, много ездил по миру, частенько плохо себя чувствовал. Постепенно все как-то наладилось таким образом, что он стал звонить ей регулярно. Скоро 20 лет примерно в девять часов вечера по московскому времени он звонит и кратко докладывает о своем самочувствии, главное, о скачках артериального давления. Потом они еще минут пять или десять зубоскалят о весельях текущей жизни (от политики до цен в магазинах и аптеках), говорят о своих домочадцах – и все как бы вскользь, между прочим. Но, если перемножить количество их разговоров на количество лет, то получается, что они побеседовали уже где-то семь тысяч раз и перешли на восьмую тысячу.

Вчера он звонил ей из сицилийского города Сиракузы, из того самого, где прожил жизнь и погиб Архимед. Время от времени ее телефонный друг ездит по миру и звонит ей всегда, неукоснительно, в девять вечера по московскому времени. Он суверен и пропускает звонки только по абсолютно уважительным причинам: пребывание в реанимации, на борту самолета или подводной лодки.

– Ты мой амулет, – сказал он ей вчера и тут же добавил: – Нет, ты мой амулет, а я твой. Мы с тобой амулеты друг друга.

– Наверное, – радостно согласилась она.

Иногда Анастасия Александровна задумывается над тем, а было ли между ней и ее телефонным другом то, что принято называть бубновым интересом? Задумыва-

ется, и всегда ей кажется, что, конечно же, этот интерес был, скорее всего, был и, наверное, мог бы развиваться в живое полноценное чувство. Мог развиваться, но не развивался, а как-то сам собою принял платоническую форму взаимной приязни, приязни, чем-то напоминающей дистиллированную воду – вроде вода как вода, да слишком чистая.

Как и Анастасия Александровна, ее телефонный друг и пациент – человек достаточно одинокий, хотя у него и «семеро по лавкам скачут». Даже не семеро, а больше: четыре сына, восемь внуков, две бывших жены, одна нынешняя. И сыновья, и старшие внуки толковые ребята, но денег зарабатывают кто мало, а кто очень мало. Нет, чтоб пойти в «купи-про-дай», в так называемый бизнес, так понесла их нелегкая и склад ума в науку, а уезжать в чужие края не желают, вот и перебиваются с картошки на гречку. Так что другу-пациенту Анастасии Александровны приходится помогать всем своим изо всех сил, благо ему самому теперь мало что надо.

Наверное, давность и чистота их отношений дают им удивительную возможность как бы ни с того ни с сего доверять друг другу самое сокровенное. Например, недавно он рассказал ей, что у него есть еще и дочь – ровесница его младших внуков.

– Ты знаешь, какая у меня проблема? Мне надо представить Тасю ее братьям и племянникам, – однажды вечером сказал он.

– А кто есть Тася? – заинтересовано спросила она.

– Тася, она же Анастасия – моя младшая дочь. Неужели я тебе не рассказывал?

– Пока нет.

– Я думал, что еще одиннадцать лет назад, сразу после знакомства с Тасей, я тебе о ней сообщил.

– Не сообщал.

– Тогда сообщаю. У меня была мимолетная связь, и я лет шесть понятия не имел о моей приятельнице. Столкнулись среди бела дня на улице, наверное, летом. Помню, что на мне были легкие льняные брюки. С ней была темно-русая черноглазая девочка лет пяти. Я взглянул на нее, и меня чуть над тротуаром не подбросило – глаза у нее раскосые, как у меня. Такие же глаза были и у моей мамы, она знала много стихов наизусть и любила декламировать: «Да, скифы – мы, да, азиаты – мы, с раскосыми и жадными очами». Так вот, встретились мы около аптеки на Малой Бронной, чуть поговорили ни о чем, а потом она вдруг предложила: «Слышь, Тасе надо домой, зайдем к нам, вон мой дом». Дом оказался из новобогатых, и квартира большая, хорошо обставленная, без купечества, со вкусом. Пока они с Тасей ходили в ванную, я осмотрелся как следует.

Раньше моя знакомая жила недалеко от метро «Динамо», я вспомнил ее маленькую двушку. Тут ко мне откуда ни возьмись подошел гладкошерстный серый кот и стал тереться об ноги.

— Ишь ты! Евровася сразу тебя за родственника принял, — засмеялась вошедшая в гостиную хозяйка. Маленькая Тася тут же подхватила кота на руки и, ревниво взглянув на меня, удалилась с ним куда-то вглубь квартиры.

— А почему кот Евровася? — спросил я.

— Да у нас ребята из Прикарпатья полгода делали евроремонт, а котенка подобрали на помойке, и он здесь вместе с рабочими жил и ремонтировал нашу квартиру. Конечно, мы оставили его у себя, а поскольку они через слово вставляли что-нибудь про евроремонт, вот и назвал его муж Евровася.

— Давно не виделись, — сказал я, чтобы заполнить паузу.

— Давно. Через недельку после того, как виделись, я замуж вышла.

— А-а, я был параллельный?

Она ничего не ответила, только улыбнулась в знак согласия.

Потом мы ели в просторной кухне суп с фрикадельками, ничего другого в двух холодильниках у нее не нашлось.

— Муж в командировке в Германии, а когда он в отъезде, мы с Тасей никаких разносолов не готовим, — объяснила приятельница.

Суп был вкусный — готовила хозяйка хорошо. Мы ели суп, а Тася таскала из вазы шоколадные конфеты.

— Тася, прекрати, ты уже пять конфет съела! — одернула ее мать.

— Не пять, а три, — моментально парировала Тася, — я моложе, у меня память лучше.

Мы засмеялись, а Тася нахмурилась, наморщила лоб. Боже мой! Точно так морщила лоб моя мама! Откуда, каким чудесным образом все, даже ужимки передаются внукам? Не знаю, но передаются. Тут на кухню вошел Евровася, девочка немедленно схватила его на руки и пошла с ним в гостиную.

— Получается так, что если бы не столкнулись нос к носу, я бы ничего не узнал? — спросил я.

— Трудно сказать, — моя приятельница пожалла красивыми плечами. Она очень часто пожимала плечами, плечи были у нее красивые.

Обменялись телефонами. А когда я уходил, уже в дверях вдруг подошла ко мне моя Тася, взяла ручонкой за брючину, взглянула на меня снизу вверх и говорит:

— Але, слышь, ты приходи, у меня для тебя тарелка супа всегда найдется.

Вот такая история. Почему я запомнил льняные брюки? Да потому, что ручонка у Таси была измазана шоколадом, и отпечатки ее пальцев так и остались на моих штанах. Когда пришел домой, я эти штаны запечатал на память в целлофановый пакет и спрятал куда подальше — до сих пор храню.

А год назад муж Тасиной мамы женился на молодой, — с богатыми это бывает. К чести его будет сказано, и квартиру, и еще много чего оставил моей приятельнице и Тасе, так что они живут вполне безбедно. И вот теперь у меня проблема: надо представить Тасю ее братьям и племянникам. Сначала мои жены и Тасина мама слышать об этом не хотели. Но я убедил их, они все-таки согласились, что нельзя лишать людей родства — категорически нельзя, это больше чем грех. Вот такая штука. Я тебя утомил? — спросил он Анастасию Александровну.

— Да, нет, — ответила она, — ты молодец, ты прав. А там Господь всех рассудит. Людям действительно не по чину лишать других кровного родства.

Ее телефонному другу уже давно восьмой десяток, но он до сих пор не из «бывших». Конечно, он уже не в прежней силе, но продолжает быть востребованным. Недавно он звонил ей с французского космодрома Куру, что в экваториальной Гвиане.

— Пуляешь? — спросила она.

— Пуляю, — ответил он.

И оба прекрасно поняли друг друга, потому как знали, что с французского космодрома Куру уже давным-давно, еще со времен советской власти, мы запускаем свои геостационарные спутники Земли. Запускать их на дальние орбиты с экватора гораздо выгоднее и надежнее — все-таки лететь им до цели без малого 36 тысяч километров, и встать на орбиту спутник должен точно над экватором, и лететь с той же самой угловой скоростью, что и матушка Земля. Поскольку геостационарный спутник и Земля вращаются с одинаковой угловой скоростью, такой спутник кажется с Земли недвижимой точкой в небе, тогда как спутники околоземные, вращающиеся на малых высотах, видны нам в небе как летящие точки.

— Время и пространство движутся в душах и судьбах людей своим путем, не подвластным никаким общепринятым законам, может быть, кроме законов гравитации. Я здесь, на Куру, кое-что кумекал об этом, хожу вдоль берега океана и кумекаю. Кумекал, кумекал, и что-то даже мелькнуло в рамках закона об обратных квадратах...

— А что это за обратные квадраты?

— Да это тебе, Настя, не надо, длинно объяснять. Тем более что я пока не ухватил суть, может, еще ухвачу.

— Ухватишь, — уверила его Анастасия Александровна, — кто-кто, а ты обязательно ухватишь!

— Спасибо. Даст Бог, ухвачу, — поблагодарил он очень искренне.

— Так ты и до смысла жизни докопаешься, — съязвила она.

— Не знаю. А ты-то сама как думаешь, в чем смысл жизни?

— Понятия не имею. Наверное, в самой жизни, — неуверенно отвечала Анастасия Александровна.

— Bravo! — воскликнул ее телефонный друг. — Ты

прямо Лев Толстой. Он именно так и сказал: «Смысл жизни в ней самой».

— Правда? — смутилась она. — Но это у меня случилось случайно. Как-то само собой вырвалось. Извини.

— А чего извинять? Я тоже так думаю, — засмеялся он, — мы с тобой не только единовѣрцы, но и единомышленники. Нам не за что извиняться друг перед другом, а жаль...

— Мне тоже очень жаль, — голос Анастасии Александровны так призывно дрогнул, что она смутилась и смолкла.

Пауза была долгой, как заметил об этой паузе ее телефонный друг, — «шляпинской». Но это он заметил не сразу, а как-то потом. А сразу он тоже замешкался и начал говорить что-то о погоде на экваторе. Пожалуй, это и было их единственное объяснение. С тех пор они черту не преступали, а зря. Хотя кто его знает, может быть, зря, а может, и к лучшему, что не преступали. Ни его, ни ее никогда не смущала разница между ними в двадцать лет. Не с чужих слов он хорошо знал, что настоящая женщина легко преодолевает этот возрастной барьер. Особенно легко, когда есть к чему тянуться... А впрочем, чего тут рассуждать, не только у истории, но и у судьбы не бывает сослагательного наклонения — если бы да кабы. Не бывает, поэтому всякая жизнь пишется без черновиков — набело. На этом ее телефонный друг оборвал свои размышления о том, что было бы возможно между ним и Анастасией Александровной и чего не случилось. Оборвал и стал пристально смотреть в черное небо над экватором, на лучистые звезды и Млечный путь, действительно очень похожий на дорогу из ниоткуда в никуда.

Разница во времени между Москвой и Французской Гвианой всего два часа. Его наручные часы показывали 2 часа 15 минут, а в Москве было 4 часа 15 минут — и в ту же секунду зазвенел на ее столе будильник.

С середины февраля в пять часов вечера уже светло. Светло, светло, светло — вот она, главная радость весны!

Правда, приходит домой она пока еще затемно. Поднявшись на свой седьмой этаж и вышагнув на площадку из приоткрытых дверей лифта, первое, что она слышит, — это как орет в ее квартире телевизор. Бабушка, она же мама Римма Павловна, плохо слышит, все-таки 90 лет, вот и включает телевизор на полную громкость. Целый день она один на один с телевизором.

— Ну, и чего слышала новенького? — едва сняв пальто и переобувшись в тапочки, Анастасия Александровна проходит к бабушке и приглушает телевизор.

— Да че? — отвечает ей мама. — Одно и то же: кто что украл или мордобойка, потом бегают, стреляют, то в кино, а то «с места событий», потом, как и испокон веку, призывают всех, что «хорошо бы все улучшить», а как это сделать — ни при старой советской власти, ни сейчас

не говорят. Наверно, это улучшение — тайна от американцев, а то те подслушают и у себя улучшат.

— У них давно все улучшено, — с улыбкой говорит Анастасия Александровна, — наши зря боятся открыть секрет. Ты что ела?

— Все. Все, что ты оставила, я и ела.

— Молодец, тогда давай таблетки пить. Под моим присмотром.

— Хорошо, — неуверенно соглашается бабушка, и ее маленькие светлые глаза лукаво косят из-под очков. Хотя ей и девяносто, держится она молодцом, полностью в своем уме, и с чувством юмора у нее все в порядке. Да и не только с чувством юмора, но и с любовью к жизни. Например, бабушка очень любит модные дамские шляпки, и вот что она говорит по этому поводу:

— Я с детства хотела дамскую шляпку, но думала, что еще маленькая, думала, состарюсь, будет мне лет тридцать, тогда и куплю себе модную шляпку. Стукнуло тридцать, и как-то не показалось, что это старость, подумала, что надо бы еще потерпеть со шляпкой, пока стану постарше, посолиднее. Глазом не успела моргнуть — сорок пять! А там р-раз и пятьдесят! Ну, думаю, куда мне, старухе, теперь шляпка? А в семьдесят пять поняла, что, во-первых, пятьдесят совсем не старость, а во-вторых, пора все-таки начинать носить шляпки, а то так и не успею покрасоваться в них на этом свете, а носят ли их на том, кто знает?

Примерно раз в полгода бабушка напоминает дочке о своей любви к шляпкам:

— Настя, а когда мы новую шляпку справим?

Анастасия Александровна откликается немедленно, и вскоре они идут на вещевой рынок, что неподалеку от их дома. Чтобы поход не оказался напрасным, Анастасия Александровна накануне идет втайне на рынок сама и договаривается с торговками, чтобы обязательно был выбор хотя бы из трех-четырех шляпок. Торговки — женщины понимающие и с удовольствием включаются в эту игру. Так что к приходу на рынок самой Риммы Павловны шляпный ассортимент всегда бывает в большом порядке.

Шляпниц две — постарше и помоложе. Та, что постарше, — бывший старший научный сотрудник в прошлом крупного научно-исследовательского института то ли тонкой, то ли еще какой-то не самой последней химии, а та, что помоложе, бывший младший научный сотрудник того же самого когда-то прославленного научного центра. Вообще среди торговки на рынке очень много «бывших» — бывших специалистов по самым разным отраслям знания. Торговки-шляпницы Таня и Зина — бывшие химики; их соседка по павильону слева восьмидесятилетняя тетя Лина — бывший заслуженный геолог СССР; сосед справа, Леша из Харькова, — бывший инженер-конструктор реактивных летательных аппаратов — сейчас он торгует массажерами, напольными весами,

магнитными браслетами, ортопедическими стельками и т. д. и т. п. Ничто так не выдает человека, как его речь, его разговоры. И когда Анастасия Александровна слышит, как переговариваются на маленьком вещевом рынке торговки (преимущественно торговки, но иногда и торгошки), какими пассажирами украшают они походку свою речь, как правильно выговаривают окончания слов, как ловко управляют со всеми склонениями и спряжениями, то ей кажется, что она точно не наяву, а в параллельном мире. Вот, например, не далее как вчера, когда она приходила на вещевой рынок договориться о визите к шляпницам самой Риммы Павловны, подходит она к шляпному закутку и слышит голос Леши: «Вам, девчата, хорошо, вы русские из России, а я получился заграничный русский, я даже Пушкина не могу вспомнить: «И догадал же меня черт родиться в России с умом и талантом!» Не могу потому, что я и родился, и вырос в Харькове. Родился, а не пригодился.

— А ты Шевченко вспомни, — откликается младшая шляпница Зина. — «Як умру, то похороните на Украине милой». На Украине, а не в Украине, как говорят сейчас ваши. Выходит, классик хуже знал мову, чем новоявленные грамотеи.

Все эти люди очень понятны Анастасии Александровне, потому что она и сама такая, она тоже из бывших, тоже из параллельного мира. То, что думает Анастасия Александровна о современной жизни, и то, о чем она лишь смутно догадывается, ее телефонный друг формулирует просто и четко, не зря он частенько вспоминает Шопенгауэра: «Кто ясно мыслит — ясно излагает».

Как-то Анастасия Александровна рассказала своему телефонному другу о шляпницах Тане и Зине — бывших химиках, о Леше из Харькова, бывшем инженере-конструкторе реактивных летательных аппаратов, сейчас успешно торгующем ортопедическими стельками, о заслуженном геологе СССР тете Лине, которая говорит: «Нынешним ловким пацанам мы столько месторождений понаоткрывали, что им еще надолго хватит».

— Увы, все так, — внимательно выслушав Анастасию Александровну, сказал ее телефонный друг. — Все так. И это главный ущерб от четвертой российской революции. Люди всех базовых профессий: ученые, особенно гуманитарии, врачи, особенно специалисты, профессорско-преподавательский состав университетов и институтов, школьные учителя, инженеры — все оттеснены на обочину жизни. За последнюю четверть века у нас начало формироваться сословное общество, и все ученые, литераторы, вся профессура и т. д. явно принадлежат теперь к низшему сословию. Дисквалификация сотен тысяч профессионалов во всех областях знания и жизнедеятельности — вот главный ущерб от четвертой революции. Даже в пересчете на деньги все вышесказанное — это больший урон, чем украденные миллиар-

ды. Всю Россию не украдешь — она слишком большая, а вот поломать судьбы людей можно, они и поломали. Нет в мире другой такой страны, в которой всего на одном веку был дважды продан номер: «Кто был никем, тот станет всем». Я не сомневаюсь в том, что Россия выстоит, но какой ценой? Я имею в виду не деньги, а искалеченные жизни людей. Если бы Россия вдруг исчезла как единое государство, то на ее месте образовалась бы такая черная дыра, которая, несомненно, поглотила бы все человечество. Умные люди и у нас, и на Западе, и на Востоке хорошо понимают, что это так, а не иначе. Понимают и сдерживают не понимающих ничего, кроме сиюминутной выгоды. Так что с Россией все будет хорошо, не сомневайся.

— Вот ты говоришь, что ученые оттеснены на обочину жизни, но ты ведь на своем месте? — неожиданно для самой себя спросила Анастасия Александровна. Наверное, она так спросила из-за присущего ей духа противоречия.

— Что тут сказать, Настя? — он выдержал паузу. — Да, я пока на своем месте. Если не заикливаться на моей персоне, а взять шире, то можно сказать, что тут сработало несколько факторов, как внутриотраслевых, так и внешнеполитических, и, конечно, не в последнюю очередь милость Божья. Наше небо держится на дедушках не первый год. Такая же картина и у американцев, и у европейцев. Обстоятельства нашей жизни ты знаешь, а конкуренты просто расслабились. Все были уверены, что как сила мы уже не существуем. Ошиблись.

С Россией такое не в первый раз. В октябре 1941 года немцы видели кремлевские башни в обыкновенный полевой бинокль и считали, что Москва у них в кармане... А мою ученость ты не преувеличивай. Я прикладник, что-то вроде ученого-сантехника, такие всегда нужны.

— Как-то не очень убедительно, — сказала Анастасия Александровна.

Он засмеялся и перевел разговор.

— Помнишь, я давал тебе почитать Блаженного Августина из Карфагена? Еще Августин задавался вопросами: «Имеет ли душа длину, ширину и высоту и не является ли пустым то место, что мы называем душой?» На эти его вопросы пока нет ответов, но, кажется, они будут в ближайшее время. Душа ушла в пятки. Чужая душа — потемки. Душа болит. Народ просто так ничего не скажет, а если сказал, то тут есть о чем подумать. Кроме материальных измерений, есть еще нематериальные. Даже закон всемирного тяготения действует не везде — есть во Вселенной такие закоулки, где он не работает.

— Слышал, что душа весит 9 граммов? — спросила она.

— Как пуля. Интересное совпадение, — ответил он.

Анастасии Александровне нравилось, что ее телефонный друг говорит с ней не только о здоровье, о по-

годе, о политике, о том, что сколько стоит и как будет дешевле — так или смяк, но и о душе, о Боге, в которого оба верили, хотя и не были теми, кого сегодня принято называть «воцерковленными».

Суббота и воскресенье всегда были ей в радость. Она начинала радоваться уже утром в пятницу: бывало, бежит зимой в прудутренней темноте, бежит, оскользаясь на обледенелых колдобинах, спешит навстречу светящейся вдаль электричке и думает: «А завтра суббота! А послезавтра воскресенье! Эх, и отосплюсь, мама родная!»

После работы в пятницу спать хотелось не меньше, чем после работы в четверг, но она не ложилась как обычно в 10 вечера, а тянула еще минут 30 — 40, тянула с радостью, что утром не надо бежать сломя голову, а можно спать, спать и спать.

Просыпается она в субботу не раньше 10 утра и еще минут 10 — 15 лежит в кровати, думая о том, как хорошо ей сейчас лежать в кровати. Недавно она купила маме и себе отличные ортопедические матрасы и с тех пор высыпается несравненно лучше прежнего, даже за пять часов в будни. Оказывается, замечательная это вещь — ортопедический матрас, просто чудо! Каждая косточка отдыхает!

Потом они завтракают с мамой. Потом бабушка пьет под ее присмотром таблетки — «чтобы все было по-честному». Потом обсуждают погоду, думают, когда им с мамой идти гулять, после завтрака или после обеда, как одеться. Потом Анастасия Александровна идет за продуктами на ближайший продуктовый крытый рынок и по магазинам, идет «закупаться» на неделю. Иногда берет с собой бабушкину тележку «Прощай молодость» — все-таки в нее много чего входит, и катить легко.

Почему она, будучи пенсионеркой, и не думает бросать работу? Да потому, что зарплата дает ей возможность не просто сводить концы с концами, но еще и позволять себе что-то приятное и необходимое. Сиди она на пенсии, разве возможно было бы ей купить эти ортопедические матрасы? Нет, никак невозможно. На голой пенсии ничего не возможно, кроме хлеба, чая и сахара, да картошки, да гречки или серых макарон, да немного луку и еще, конечно, постного масла. Анастасия Александровна иногда думает, что значительная часть населения страны живет точно так же, как жила она году в 1950-м, лет через пять после войны, только с телевизором. Ее самой тогда еще не было на свете, но мама рассказывала. Да, так живут очень многие люди, еще не в нищете, но в крайней бедности, многих огород спасает. А о сотнях и тысячах тех, что сегодня с жиру бесятся, она и думать не хочет — Бог им судья.

Когда-то давным-давно, еще при советской власти, ей попадалась книга «Друзья мои, книги». Иногда Анастасия Александровна думает, что если бы она была журналисткой, то обязательно написала бы сейчас книжку «Друзья мои, деньги». О чем? Да о деньгах, конечно. О том, какую власть взяли они теперь над людьми, как сделались почти всем и почти все подменили. О том, как страшно остаться

без денег. Анастасия Александровна теперь даже из дома не выходит с пустым кошелеком: на всякий случай.

Конечно, «остаться без денег» — одна из тех угроз, которые, можно сказать, постоянно висят в воздухе над их семьей. Есть еще и две другие — одна, как определяет их Анастасия Александровна, «внешняя», а другая — «внутренняя». «Внешняя» угроза — это та, что может случиться всегда во внешнем мире, за порогом их жилья, в том числе и угроза остаться без работы. А угроза «внутренняя» — это та, что затаилась в них самих, прежде всего всевозможные болезни и недомогания. За третьей угрозой постоянно следит Анастасия Александровна, не зря же она врач, тем более настоящий клиницист — госпитальный.

Слава Богу, семья у них с мамой согрета подлинной любовью. Правда, нет в семье мужчины, но, как выяснилось, — это не беда. Долгие 13 лет у Анастасии Александровны был вполне законный, вполне натуральный муж. Но, можно сказать, что жили они как-то так, что души их не соприкасались. Наверное, по этому поводу написано: «Была без радости любовь, разлука будет без печали». Сейчас Анастасия Александровна иногда думает, что даже факт существования любимой дочери Наташи никак не доказывает ей, что она была когда-то замужем за ее биологическим отцом.

Объективности ради, нельзя не заметить, что Анастасия Александровна ни до замужества, ни после отнюдь не была монашкой. И работа в госпитале с ее непрерывными стрессами и ночными дежурствами как бы располагала к отдельным срывам, да и силы были кипучие. Правду сказать, Анастасия Александровна и с мужем разошлась не от скуки, а потому, что встретился ей парень на десять лет моложе, она и воспламенилась. Пять лет воспламенялась как один день, любовь не любовь, а непреодолимая страсть — это точно. Тогда ей было под сорок, а это самый-самый возраст для женщины. Бывали и еще случаи, но скоротечные. Всякое бывало. Теперь все вроде бы улеглось, теперь она больше думает не о мужчинах, а об угрозах для себя и для мамы.

Какая у них защита от угроз? Да только они сами. А если брать лишь одну Анастасию Александровну, то, конечно же, у нее еще и шкаф, за которым она сидит на работе, как за каменной стеной. Славный шкаф, она иногда о нем думает, как об одушевленном предмете, а может быть, он и вправду одушевлен, то есть у него есть душа, кто знает? Вот откроет ее друг свой математический закон о душе, тогда многое прояснится. А пока надо жить так, как оно есть, понимая, что «смысл жизни в ней самой». А также понимая, что «как будет, так и будет».

Вчера, в субботу, Анастасия Александровна водила бабушку в парикмахерскую — стричься. У бабушки свой мастер — Света, миловидная крашенная блондинка из Приднестровья. Света всегда рада приходу бабушки и говорит, что держит для нее специальные ножницы — «именные». Хотя бабушка стрижется коротко, но занимаются они со Светой всякий раз долго, основательно.

— Ой, молодец, Светочка, мне теперь никто не даст де-вяносто, — взглянув в большое круглое зеркало над раковиной, говорит Римма Павловна. — Самое большее — во-семьдесят девять с половиной.

— Семьдесят девять, — польщенно улыбается миловид-ная Света, — где еще вас так постригут?

— Да нигде, Светочка, нигде. Я тебе точно скажу — ни в Париже, ни в Лондоне меня так не стригли.

— А вы давно там бывали?

— Я? Да никогда в жизни. Зачем они мне, если дома такой мастер!

— Потому и не стригли, что не бывали, — засмеялась польщенная Света.

У бабушки веселый нрав, хотя характер не из легких — не противный, но твердый, такой, какой и нужен для жизни.

Из парикмахерской возвращались неспешно, хотя и подходил к концу март, но снег еще не сошел, и на дорож-ках было много опасной темно-серой наледи.

— Весной пахнет, — потянув ноздрями еще холодный сырой воздух, сказала бабушка, — слышь, Насть, а раз постриглись, то, может, новую шляпку справим?

— Шляпку? А почему бы и нет? Запросто, — весело отозвалась Анастасия Александровна, потому что в ту же секунду подумала: «Как хорошо, что я еще работаю, а не сижу на голой пенсии, вот и маму могу побаловать».

Дома, улучив момент, когда мама включила телевизор, Анастасия Александровна позвонила старшей из шляп-ниц Татьяне и сказала, что они завтра будут.

— Ждем. Постараемся соответствовать, — заверила ее Татьяна.

Перед сном Анастасия Александровна дочитала «Ев-гения Онегина». По совету ее телефонного пациента она уже давно читает перед сном классику. Как сказал пациент, это не только освежает душу, но и дает новые силы для жизни. «Кто там в малиновом берете с послем испанским говорит?» — пропел оперный баритон в по-следние секунды перед тем, как она уснула.

Спала она долго, всласть и проснулась в хорошем на-строении.

Сразу после завтрака и маминых таблеток они отпра-вились на вещевой рынок. Он был у них хоть и ма-ленький, но, во-первых, свой, под боком, а во-вторых, чего же там только не было!

Шляпницы Таня и Зина якобы очень удивились их приходу, но и застигнутые врасплох имели что предло-жить. Шляпок, достойных Риммы Павловны, было три, но ни одна ей не глянулась, зато сразу заинтересовал фе-тровый малиновый берет.

— Примерьте, не прогадаете, — предложила старшая из шляпниц Таня. — К вашему продолговатому лицу бер-ет очень пойдет.

Бабушка ловко надела малиновый берет — он ока-зался ей впору, и, безусловно, освежал общую картину бытия.

— Кто там в малиновом берете с послем испанским говорит? — речитативом пропела шляпница Таня, и все дружно рассмеялись, поскольку контекст был всем по-нятен: и химикам Тане и Зине, и геологу тете Лине, и Леше, инженеру реактивных летательных аппаратов, — когда приходила за очередной шляпкой Римма Павлов-на, Леша всегда бывал среди ее болельщиков.

Белоснежная седина волос бабушки как-то нежи-данно ярко и празднично гармонировала с малиновым беретом. Все остались довольны друг другом. Когда, рас-прощавшись с продавцами, они вышли из пропахшего нафталином крытого вещевого рынка, на улице было все так же хмуро, как и полчаса назад.

«Вчера на грани между явью и сном полновзвучный оперный баритон пропел мне: «Кто там в малиновом берете...» А только что напела то же самое старшая шляпница Таня, — придерживая под локоть маленькую, сухонькую маму, подумала Анастасия Александровна, — неспроста это — будет сегодня и еще что-то хорошее».

И только она так подумала, как вдруг блеснул из-за тучи яркий солнечный луч и засверкали, как изумруд-ные, грязно-серые осевшие снега на другой стороне улочки, которую еще предстояло перейти.

— Тебе очень идет этот малиновый берет, — сказала Анастасия Александровна. — Очень!

— Спасибо, — кокетливо поправляя берет, ответила Римма Павловна, и ее маленькие серые глаза так лукаво, так молодо блеснули из-под очков, что мать и дочь не-вольно расхохотались и обняли друг друга, прямо посре-ди улочки — хорошо, что она была пустынно и не ехало по ней пока никакой «внешней угрозы».

Не ехало, а вдруг поехало — вылетел из-за угла и, гре-мя на всю округу децибелами музыки, помчался на них толстый белый джип, похожий на холодильник. Мать и дочь чудом успели на другую сторону улочки, а белый лакированный автомобиль с оглушающим ревом про-свистел мимо, но все-таки обдал их из-под колес гряз-ным ледяным крошевом.

— Ну, вот и закончились выходные, — опуская ма-ленькую сухонькую маму на землю, — сказала Анастасия Александровна. — Не зря я подумала, что нам с тобой должно улыбнуться счастье. Улыбнулось: мог бы зада-вить, а мы живы!

— Как ты меня сграбастала, я и сообразить не успела, — засмеялась Римма Павловна. — Р-раз — и мы на другой стороне. Ну, ты и сильна, Настька!

— И я сообразить не успела, — нервно засмеялась дочь. — А завтра ни свет ни заря опять бежать на работу за мой роденький шкаф!

— Давай, давай, — подбодрила ее мать, — работа ду-раков любит. ■

15.09.2016 г.